

ЧУДЕСНЫЙ ОГОНЬ

О повести «Долгое-долгое детство»
и трагедии «Не бросай огонь, Прометей!»
Мустая Карима

В ФИНАЛЕ лирико-философской повести народного поэта Башкирии Мустая Карима «Долгое-долгое детство» есть рассказ о том, как плакала Младшая Мать, которой было уже за девяносто лет, плакала от воспоминания: маленькой девочкой послали ее как-то за огнем для очага, босиком побежала она за углями к соседям, да на самом пороге родного дома рассыпала угли — черные на белом снегу, стояли они в глазах все годы. «Будто черные горячие слезы прожгли белый снег»...

Прометей, герой трагедии в стихах Мустая Карима, говорит — тоже в финале — о своей любимой, вылепленной им из глины, размоченной слезами: «Сгорела ты, золотой горячей стала, но снова я влюблен в твой пепел белый. Ушла с Земли, где прожила так мало, где навсегда твоя любовь осталась».

(Перевод А. МЕЖИРОВА)
«Долгое-долгое детство» и
«Не бросай огонь, Прометей!» —

произведения, очень далекие по жанру, по масштабу художественной задачи, близки в главном: объединяет их пафос добра, светящаяся музыка самопожертвования во имя счастья людей. И пусть когда-то рассыпались черные на белом снегу огоньки, пусть погибла Агазия, огнем своей любви осветившая дорогу людям, не принявшим поначалу божественного огня всевидящего знания и свободы духовной, — огонь уже занялся! Он вечно горит в очагах. Он освещает дорогу в ночи мироздания, и — не все ли равно! — Прометей или Космонавт наших дней говорит это:

«О, никогда доселе так не спешил я. И от взмахов крыльев под необъятным куполом небесным покачивались сонные планеты, как желтые кувшинки на реке».

Главное — донести маленькие угольки для каждого домашнего очага или свет исторического откровения и прогресса вопреки силам мрака и зла, который «не гений нужен, а — воиска, огня не нужно, сумерки милее».

Безоглядная вера в народ, ощущение кровной своей связи с ним, преклонение перед мудростью Старшей Матери (в которой видим мы не только отголоски матриархата и родословий поверий, но и сыновнюю преданность коллективному началу, демократическим принципам народовластия и народной справедливости) — такова основа мироощущения Мустая Карима и его героев. Здесь башкирский поэт органически «вписан» в большой ряд советской литературы, где имена Айтматова и Залыгина, Распутина и Белова, Матвеевского и Астафьева звучат как имена братьев одной семьи. Насыщенная поверьями, пословицами, обычаями народными, повесть Карима — и в ряду тех произведений национальной литературы, которые в сравнительно малой форме лирической прозы умеют вместить энциклопедически сжатое повествование эпическое, — о своей земле, истории ее, «лица» необщим выраженьем своего народа. Таков, например, и «Мой Дагестан» Расула Гамзатова.

«Долгое-долгое детство» — это и романтическая пора, и суровая правда о жизни, не баловавшей никого из героев. Карим умеет увидеть добро там, где его нетрудно, ожесточившись, не разглядеть вовсе. Свет добра и самопожертвования проникает

в самые темные и порой отталкивающие уголки жизни. Герои Карима опровергают мысль Агазии, «земной женщины» из трагедии о Прометее, мысль о том, что пока в мире любовь — не оружие, а «безоружье». Да и сам Прометей горько восклицает: «Грубая Сила, пока мне тебя не одолеть...» Дialeктика художественной мысли поэта ясна. «Пока» и в словах Агазии, и в реплике Прометея таит надежду. Я не знаю, слышал ли Карим рассказ Шкловского о замысле молодого Вс. Иванова. Сизиф, по замыслу писателя, должен был ответить легионеру: «Не думай, что это навсегда — катить в гору камень. Это всего лишь на две тысячи лет!» И Карим дал своему герою право надеяться: «всего только на тридцать тысяч лет» осужден он быть прикованным к скале! Для богов срок вполне реалистический.

В повести Карима люди тоже, так сказать, «взаются», как светилась мифологическая Агазия. «Неужели в вашем ауле только такие люди жили?» — спросит читателя. — «Я видел только таких. Других как-то не запомнил». Видеть доброе прежде, чем дурное, — таков Мустай Карим. Но гордость, не достоинство! Если бы их не было в героях Карима, он был бы просто прекраснотупым и несовершенным писателем. Я лично не знаю более твердых борцов за справедливость, чем... мягкие, интеллигентные, добрые люди. Прометей говорит Фамиде (заметьте, богиня справедливости — мать Прометея!): мир рухнет, если гонимые будут просить прощенья у гонителей, а жертвы — у палачей. Не узаконить разрыв между богами и людьми, а сделать людей богами — мечта Прометея. Только веря в человека, можно принять непомерную муку. Пусть Эрида, богиня раздора, пусть урод — согладалатай Зезса — Гермас, пусть они пугают малодушных (свет, мол, сделает видимым то, что внутри человека), уповав на страх грешников быть разоблаченными, пусть пугают лживых, что уродство мира и раздор принесит именно свет (сравни: неведьды пугалом цивилизации страшат сегодняшнего обывателя). Прометей знает: на свету виднее уродство, на свету яснее красота! «Спать», живя, или «проснуться» для ношей, иной жизни? Нет, любовь спасет мир, а не издедание и грубая сила. Недаром похищению огня титаном способствуют у Карима хариты, помощницы Афродиты.

Надо ли подчеркивать, как важен пафос веры в человека, в разум его, в достоинство, в готовность отстоять землю от варваров, перепохитивших огонь знания для страшного покушения на саму Землю! Борьба за душу человека — вот что составляет главное в мире образов Мустая Карима. Чтобы во тьме невежества не сделать землю адом, надо указать на подлинные ориентиры, осветить — ложные.

«Долгое-долгое детство», «Не бросай огонь, Прометей!» — такие произведения. Ими может гордиться советский читатель.

Владимир ОГНЕВ